

Сергей К. Данилов

Пиэль

Повесть

Сергей К. Данилов

Пиэль. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24258188

ISBN 9785448526367

Аннотация

Николай встречается Надин на курсах по программированию, которые проводятся на турбазе. На занятиях они сидят рядом, в турпоходе ночуют в одной палатке, плавают по озеру, взявшись за руки, но любовь к Надин вспыхивает в Николае только через пять лет.

Содержание

1. Береги честь смолоду!	5
2. Мара, Соня и русская Надин	12
3. Пенсионный возраст лейтенанта	22
4. Можете не ждать, танцев не будет!	26
5. Классная женщина, мечта поэта	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пиэль Повесть

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2017

ISBN 978-5-4485-2636-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Береги честь смолоду!

Начальник отдела Вера Архиповна зашла в рабочую комнату тихо: седеющие волосы заколоты простой гребенкой, поясница перехвачена пуховой шалью из-за обострения радикулита, отчего вид домашний, заботливо-материнский, просто милосердный. А чего греха таить, она, собственно, такая и есть, для молодых специалистов особенно. Но не для всех. С Настенькой у них вечный конфликт по любому поводу. Настеньке двадцать восемь, она девица вся из себя очень модная, имеет три года программистского стажа, в ассемблере сечет – дай бог каждому, но пока в простых инженерах числится, видя в том происки Веры Архиповны, отчего-то не желающей повисить ее хотя бы до старшего.

Еле переставляя ноги, начальница проковыляла на середину комнаты и здесь остановилась, разглядывая сотрудников увеличенными глазами из-под очков. Те озабоченно шелестели свитками программ, бегая авторучками из конца в конец длинных бумажных портянок, и не слишком обратили на нее внимание. Валя Креслина вовсе не заметила: как раз нашла ошибку, которую искала со вчерашнего дня, самую что ни на есть тривиальную, и в сердцах шлепнула по распечатке с размаху, будто давая кому серьезную пощечину:

– Да что же я за дура такая? А? Кто скажет?

– Валя, успокойся, бумагу не рви, – сочла нужным означить свое присутствие Вера Архиповна. – Значит так, товарищи, отвлекитесь на минутку. Есть одно место на месячные курсы по изучению языка пизель, где преподавать будут сотрудники московского центра «Алгоритм». Кто желает ехать?

– Куда? – тотчас заинтересовалась Настенька.

– Куда-куда... Как что, так сразу вы, Анастасия, и куда? В этой комнате есть желающие изучить новый перспективный язык высокого уровня? Или нет?

– Тут от старого хоть вешайся, – вздохнула Креслина. – Нет, Вера Архиповна, так дела не делаются, вы сначала скажите, куда ехать. А вообще у нас Настенька первая на очереди.

– Настенька, – недовольно передразнила ее Вера Архиповна, – Настенька туда не поедет. В Тройске курсы. С той недели начинаются.

– Я три года жду! – ужаснулась Настенька. – И вы прекрасно знаете, что мне надо. Во-первых, Москву или Ленинград, на самый худой конец – Киев или Минск, и, во-вторых, срок должен быть не менее двух месяцев, а лучше три. Тройск можете даже не предлагать.

Настя в сердцах бросила резинку, которая заскакала сначала по столу, далее прыгнула на пол в направлении начальницы. Сектор расстроено молчал. Конечно, хорошо бы свалить на месяцок в командировку от этих распечаток, что-

бы голова не болела, но... в Тройск? Даже смешно сидеть месяц на курсах в Тройске. Несерьезно. Кому скажешь впоследствии, так, может, и не засмеют, но улыбнутся точно: не тот город Тройск, куда хорошие люди ездят на курсы. Скука и в магазинах – шаром покати, как во всех прочих нестолицах родимой страны. На столичных курсах можно командировочное время использовать с толком: обуťся-одеться на десять лет вперед. Себе шмоток закупить, семью обеспечить дефицитным импортом и коллектив родной не забыть.

– Что ты, Настя, кричишь? – укоризненно спросила начальница. – Не хочешь – не езд, заставлять никто не станет.

– И не поеду!

– И не езд. Между прочим, у нас и другие молодые специалисты в отделе имеются. На вас одной свет клином не сошелся. Честно говоря, даже и не думала о такой кандидатуре. Там надо на турбазе жить, а какой, Настенька, из вас турист? Ни боже мой. А пошлем-ка мы Николая Петровича.

– Колян, не соглашайся, – развернулась к приятелю Настенька. – Потом пять лет никуда не пустят.

– Не, на турбазу можно съездить. – Николай Петрович свернул свою распечатку в трубочку и посмотрел в нее, как подзорную трубу, примеряясь к мусорной корзине для бумаг. – Да если честно, согласен хоть сегодня ехать. Надоел ассемблер выше крыши, хочу на языке высокого уровня работать.

– Колян, ты совсем, что ли?

– Николай Петрович, – обрадовалась начальница. – Вы у нас молодой специалист, мужчина, молодец. Отдохнете там, купаетесь, наберетесь сил да еще новый язык выучите. Вернетесь – и за работу! А сейчас пойдемте в первый отдел кое-какие документы оформим.

И тут же нанесла коварный удар неимоверной силы, какого в ее положении никто не ожидал: с внутренним всхлипом нагнулась, подобрала резинку, вернув на стол Настеньке, прямо под нос положила.

– Сначала разбрасываются канцтоварами, а потом говорят, что вовремя их не обеспечивают.

Настенька фыркнула, однако вынуждена была молчать. Это сражение она проиграла вчистую.

Николай зашел в институтский первый отдел к Олегу Ивановичу, славному ветерану КГБ, ныне дни и ночи проводившему за обитой железом дверью без вывески, в маленькой комнатенке, перегородженной высоким барьером. Барьер проходил непосредственно у входа, посетитель на него сразу натывался грудью и застывал. Рабочее забарьерное пространство было занято огромным сейфом, столом, стулом. Больше ничего, кроме седого, с золотыми зубами Олега Ивановича, в комнатке не помещалось. Сам секретчик жил на своем стуле практически безвылазно, днем и ночью, в институтских коридорах почти не объявляясь. Не потерял бы Николай пропуск после неполного месяца работы в конто-

ре, тоже не знал бы Олега Ивановича и его первого отдела, а нынче зашел, поздоровался по-свойски, хоть через перегородку, но за руку.

– Что, пропуск нигде не всплыл? – сразу поинтересовался секретчик, демонстрируя отличную память на седьмом десятке.

– Нет, – ответил Николай, – основательно утонул.

– Молодцом!

В прошлый раз пришлось писать объяснительную под диктовку Олега Ивановича и очень экзотично разрисовывать пропажу документа. Сам Николай считал, что сгреб его со стола вместе с бумагами да выкинул в мусорку. Куда он еще мог подеваться? Но в мусорке пропуска не обнаружили, как ни рылись всем трудовым коллективом. Потому в качестве рабочей пришлось брать гипотезу, предложенную Иванычем.

– Пиши, – сказал тот раз Иваныч, разминая большими пальцами папиросу «Беломорканал». – Я, такой-то такой-то, написал? Вчера, дату ставь, в одиннадцать часов тридцать две минуты пошел в мужской туалет...

На такую формулировку Николай закапризничал было:

– Олег Иванович, женский в принципе не посещаю и по минутам жизнь не наблюдаю, сразу же видно – враки.

– Поговори мне еще, – нахмурился секретчик, – много ты понимаешь в нашем деле, здесь точность – главное! Если

потерял документ, то должен показать, что хоть находился в трезвом уме и твердой памяти, — так... — Беллетристический талант Иваныча иссяк, он принялся чесать бугристый нос желтым прокуренным ногтем.

— ...в мужской туалет, — написал и скучным голосом прочел ему Николай.

— ...пошел в мужской туалет, — с воодушевлением подхватил кагэбист в отставке. — И в момент... нет, этого не надо... пошел в мужской туалет и случайно уронил пропуск в унитаз. Пропуск упал, а я в это время как раз спустил воду. Дата, роспись. Давай сюда. Новый получишь завтра с утра. Если старый где найдешь, никому не говори, даже мне, разрежь на мелкие кусочки и спусти в мужской туалет, понял?

— Может, лучше сжечь?

— Что тебе старшие товарищи говорят, то и делай.

— Ладно. Спасибо, Олег Иванович.

На сей раз начальник первого отдела заставил расписаться в куче бумаг и выдал всего одну справочку, гласящую, что он, Николай Петрович, допущен к работе с документацией второй группы допуска.

— Может, потребуется, а может, и нет, — объяснил Иваныч. — Но раз инструкция требует оснастить в командировку этим документом, я выполняю. Значит так, если будешь у них работать по секретке, эту справку у тебя изымут, но обязаны взамен выдать свою, что эту забрали, понял? Ты

не забудь требовать, а то знаешь, сколько дураков в нашей системе работает. Ого-го-го!

– Да какая там секретность, Олег Иванович, основы программирования на новом языке. Может, не надо?

– Надо, Федя, надо, – отшутился бывалый пенсионер. – Инструкции не зря писаны. Всякое в жизни может случиться, даже война. Если что, с этой справкой любой военкомат тебе бронь оформит в семьдесят два часа, а так на фронт в двадцать четыре пойдешь. Чуешь разницу? Так вот, а если не потребуется, справку обратно привезешь и снова сдашь мне здесь лично под подпись. И не дай бог ее потерять! Лучше паспорт потерять, чем эту справку, тогда одним унитазом точно не отделаешься, можешь даже и не сомневаться. Эта справка – как твоя честь. Береги честь смолоду? Кто сказал?

– Пушкин.

– О, грамотный. Молодец, хорошая у нас молодежь подросла. Иди, у меня работы по горло.

2. Мара, Соня и русская Надин

От своего отдела Николай Петрович ехал в Тройск один. Из двенадцатого вместе с ним отправилась учиться пиэлю малознакомая коллега неопределенного возраста по имени Соня: высокая, бледная, с голубоватой тонкой кожей, из-под которой просвечивалась на руках и голове кровеносная система, а еще из тринадцатого отдела весьма бойкая программистка Мара.

Всему коллективу хорошо известно, что в Мару влюблены три электронщика по меньшей мере да пятеро программистов, среди которых имеются и давно женатые, приличные люди. Сей ажиотаж Коля не разделял. Возможно, кто и считает ее необыкновенно красивой, а по мнению Николая Петровича, цвет лица чересчур темен, причем не мулатской привлекательной шоколадностью, а некой нездоровой серостью, потаенные глазки большей частью опущены, даже когда шутит напропалую. Хотя есть в них нечто. Цвета толком не различить за густыми скромными ресницами-вуалями, но вот однажды Николаю почудилась среди бела дня в столовке такая штука: глаза Мары блеснули двумя фонариками.

Подобное световое явление случается наблюдать в телевизоре, когда, скажем, показывают львиный прайд, снятый на камеру в свете прожекторов ночью, вокруг туши убитой зебры. Светло, как днем, а глаза у царственной семейки все

равно полыхают огнями. Вот такой кошачий огонь высветился среди обеденного перерыва и у Марочки, хотя ела она не зебру, а всего-навсего котлету по пожарски с тушеной капустой.

Провожать ее на вокзал пришел муж, высокий блондин с подозрительным взглядом целлулоидно-жестких глаз. Этим взглядом он прицепился было к Николаю, но тот решил не выстаивать лишнее на перроне, залез в вагон, где занял купированное место согласно имеющемуся билету и принялся смотреть в окно, кто как прощается. Занятное, между прочим, дельце! Коля не предполагал прежде, что Мара замужем – очень уж веселая была девушка: со всеми шутки шутит, намеками говорит, а тут, оказывается, ребенок есть лет пяти. Так что совсем взрослый человек с биографией.

Соню при посадке опекала многочисленная престарелая родня: бабушки, дедушки, тетки, дядьки, трудно даже разобраться, кто из них настоящие родители. Обнимались всей компанией человек в десять. Несмотря на то, что дождя, вопреки прогнозу, с утра не было, на Соне оказался голубоватый полиэтиленовый дождевик, который она не подумала снять. Но вообще-то погода выдалась не жаркая, так что смотрелся дождевик вполне нормально – как раз в тон голубоватому лицу.

Соня изредка появлялась в темных коридорах испуганно-прямая, бледная, неприступная, точно крепость Измаил

в досуворовский период. Что довольно странно: ОКБ их закрытый почтовый ящик, на входе серьезная охрана, никого постороннего в коридорах днем с огнем не сыщешь, кого боится? Первоначально Коля пытался кивать при встрече, в одной же конторе трудятся, неудобно дефилировать мимо с каменными лицами, но коллега смотрела удивленно, и он перестал заниматься глупостями.

В областной город Тройск прибыли к вечеру и скорей побежали на автобусную станцию, что находилась по соседству с вокзалом, покупать билеты до турбазы «Лесное озеро». Обыкновенно Коле в глаза ненароком бросаются самые интересные девушки: посмотрел – увидел, посмотрел – увидел, еще посмотрел и снова увидел, настроение при этом улучшается ровно в три раза. Потом из нескольких примечательных особ выбирается вне всякой логики самая замечательная, и вот от нее взгляд действительно трудно оторвать, разве через силу, но в данном случае, после того как они вошли в здание автовокзала, события приняли совершенно иной оборот.

Худенькая девица в черных джинсах, темно-линялой футболке с сумкой через плечо, стриженная под мальчика, не сказать что очень симпатичная, стояла у расписания автобусных маршрутов с растерянным выражением на лице, словно готовая уехать куда угодно и с кем угодно, в любую сторону, пригласите только, а движение взяли и полно-

стью отменили из-за непредвиденных чрезвычайных обстоятельств. Рядом у ног, на шлифованном, из мраморной крошки полу, стоял чемоданчик цвета ее джинсов. Именно эту вполне заурядную девицу с каштановой жиденькой челкой, небольшими карими глазками на узкой физиономии взгляд выхватил сразу и не пожелал более шнырять по толпе в надежде найти что получше. Очень уж растеряна. И глазами: хлоп! хлоп! хлоп! Смешная. Рот раскрыт, будто у клоуна безработного. Почти дурочка. Натуральная, от природы такая, нигде не училась.

Они тоже подтянулись к доске с расписанием, и здесь неожиданно выяснилось, что первый и он же последний автобус до турбазы «Лесное озеро» давно укатил, следующий будет только завтра утром. Коля вдруг поймал себя на том, что лицо его начинает преобразаться в соответствии с портретом незнакомки, по образу и подобию: глаза выпучиваются, рот открывается... Но сказать ничего не успел, опередила все та же незнакомка в черном.

– Вы на турбазу? – обрадовалась она, неуловимым образом сменив глуповатое выражение на сообразительное. – Здорово! Меня Надин зовут, я на курсы программирования туда еду. – Последние слова произнесла совсем весело.

– И мы на курсы пиэля, – обрадовалась Марочка, будто старая бабушка очередному прибавлению семейства.

– Шикарно звучит – пиэль? Да же? Будто птичка поет: пи-эль, пи-эль. Я лично из-за одного красивого звучания поеха-

ла бы.

– Надежда? – уточнил Коля.

– Нет, Надин.

– Француженка, что ли?

– Нет, русская Надин.

– Тогда зовите меня Николая. Исключительно для вас.

Он еще раз внимательно осмотрел девушку с ног до головы, ничего замечательного в ней отыскать не смог и удивился.

– Что же будем делать? – поежилась Сонечка под голубоватым дождевиком, оказавшимся ныне весьма кстати, ибо начал накрапывать дождик.

– Давайте скинемся на такси, – предложила энергичная Надин, – пусть отвезет до «Лесного озера», чего нам здесь, на чемоданах, утра ждать?

– А вдруг не довезет? – спросила дрогнувшим голосом Сонечка.

– Или не туда отвезет, – подхватила Мара. – Мы никого не знаем, нас никто не знает, завезут – и концы в воду.

– В лесное озеро какое-нибудь, – трагически выдохнула из себя Соня, будто уже идя на дно, в глубины.

– Так с нами же мужик вроде есть, – новенькая в их компании посмотрела на Николая вопросительно.

Но спутницы-коллеги не почитали Колю за настоящего мужика, поэтому решили, что во всех отношениях надежнее будет устроиться на ночь в гостинице. Предприятие потом оплатит расходы, и все дела. Прохожие пояснили моло-

дым командированным гражданам, что в Тройске имеются две гостиницы – «Спутник» и «Турист». На автобусе поехали в ближайший «Спутник». Там вежливо, без всякого хамства им объяснили, что мест нет и в ближайшие дни не предвидится: на двух этажах расселилась научно-практическая конференция по недавно откопанному из вечной мерзлоты мамонту, но «Турист» совсем близко, на той же центральной улице, можно даже на автобус не тратить. Однако путешественники направились с чемоданами на остановку.

Смеркалось. Дождик помаленьку шлепал, автобусы не показывались на горизонте даже смеха ради. Пришлось топтать в «Турист» пешком, уже в темноте и по лужам. Грязные и вымокшие, они пристыжено втащились в сверкающее огнями хрустальных люстр здание гостиницы. Здесь с ними отказались даже разговаривать насчет свободных мест.

– Что вы, что вы, у нас мамонтоведы на всех этажах, даже из Японии ученые приехали! Куда вас селить? (Таких мокрых и грязных)

– Можно, посидим в холле?

– Только до одиннадцати. Потом закрываемся.

Они почли за лучшее искать шанс на улице. Невзирая на глубину неведомого лесного озера, решено было вернуться к первоначальному варианту, предложенному Надин, – ловить такси и ехать на турбазу. Встали на пустынной остановке такси и долго ждали машины с шашечками. Резвые

таксисты проносились мимо, даже не притормаживая. Вымокли до последней нитки и в свете фонарей сделались одинаково похожи на несчастную Сонечку вытянутыми, мокрыми, будто заплаканными лицами с голубыми щеками.

Наконец подъехало долгожданное такси. Из дверей высунились холеные грузины, блистающие многочисленными золотыми печатками на пальцах, — дельцы черного рынка, рыскавшие в поисках сырья для своих подпольных закавказских фабрик и обитающие при местных гостиницах. Позвали девушек в ресторан. Девушки срочно забаррикадировались за чемоданами. Коля гордо ответил:

– Нет.

– Ну и дурак, — сказала такси, — и ты бы свое получил. — После чего уехало.

Но следом чуть им не на ноги наехали два других, переполненных жаждущей развлечений клиентурой с Кавказа, открыли дверцы, принялись оценивающе цокать на своем языке, хмыкать, изучать обстановку.

– Это слух прокатился по району, — нервно хихикнула Надин. — Три новенькие девицы с сутенером объявились. Мужчины хотят нас снять. Николая, надеюсь, по дешевке не сдадите?

Сонечка бухнулась на свой чемодан, разбрызгав лужу, и закрыла лицо руками.

– На Колю надежда есть, но небольшая, — задумчиво молвила Мара, оглядывая пустынную площадь, быстро тонущую

во мраке ночи, с выражением женщины, знающей, почем фунт изюма на местном базаре. – До утра нам здесь не продержаться, увезут. Пойдемте обратно в гостиницу.

– Не пустят.

– Дэвушк, а дэвушк, сколько счас вэрэмя?

– Пустят, – обозлился Коля, проникнувшись ответственностью защитника-мужчины, на которого подзащитные не слишком надеются. – Пусть только попробуют не пустить, дебош устрою!

– В милицию заберут.

– Там и переночуем.

Они снова втащились в холл, сверкающий чистотой, мором и хрусталем. Коля нагло рассадил мокрых девиц на мягком диване, после чего двинулся с паспортами и деньгами к администратору. Предстояло первый раз в жизни давать взятку официальному лицу. Администратор не поднимала головы из-за таблички «Мест нет». И тут, на подходе к ее стеклянной амбразуре, его внезапно осенило. Он вытащил из паспорта бумажку Олега Ивановича о допуске к государственной тайне второй формы свежести, с размаха шлепнул перед дежурной.

– Срочно соедините меня с КГБ по вашему телефону!

– Зачем это? – удивилась администратор, скосив глаз на справку.

– А затем, что при нас находится секретная документация, если с ней что-нибудь случится, отвечать придется вам лич-

но за то, что не поселили на ночь. Товарищи из КГБ сейчас вам прояснят ситуацию. Соединяйте, девушка, соединяйте!

В девушки администратор не годилась по возрасту, но Никола предпочел слегка обнаглеть. Отступить некуда: позади на диванчике, не поднимая глаз, жмутся мокрые, замерзшие, испуганные коллеги. Пусть за дебош везут в милицию. И вообще, сутенером он уже побыл сегодня, почему бы для разнообразия не принять вид тайного курьера КГБ, который, грязный и мокрый, ездит по холодному вечернему Тройску со сверхсекретной документацией государственной важности? Вторая форма допуска – это вам не баран чихал! Никола не сводил упорно-решительного взгляда с недоверчивого носа администраторши. Она сомневалась целую минуту чисто по-женски: сначала презрительно-холодно не верила всему тому, что он сказал, полностью. Затем, с подозрительным выражением, вглядывалась: обманываете, да? Потом, широко распахнув большущие, но увядшие глаза: шутите? Зачем вам это? Ей КГБ с ОБХСС здесь не нужны на ночь глядя ни под каким видом, и наконец сдалась на милость победителя – с хмурым видом сунула листы – заполнять анкетные данные.

Через пять минут их расселили по-царски. Для каждого тайного агента нашелся отдельный одноместный номер-люкс. Несколько даже чрезмерная роскошь, но отказываться никто не стал. Раскошелиться пришлось весьма серьезно, зато какая ванная комната! Какая кровать! И фирма возместит расходы! Девчонкам Никола не стал объяснять

секрет своего успеха, сказал только, что уговорил, а на какой почве – государственная тайна.

Утром Надин шутила, когда подсаживал ее в автобус:

– Скажи честно, Николя, почем купил администраторшу?

Мы скинемся в пределах разумного.

– За так.

– Тогда я с тобой играю. Сядем вместе?

3. Пенсионный возраст лейтенанта

Почему бы и нет? Надин довольно поерзала в кресле у окна, причесала перед зеркальцем челку, наклонилась к уху Николая и, прикрыв для дополнительной секретности ладонью рот, спросила:

– Трудишься где?

– В ОКБ.

– Областная клиническая больница? Нет, постой, сама расследую по внешнему виду. Тэк-с, областной кинологический барак отпадает. Вижу-вижу, не оттуда, уже хлеб. Особый кремлевский батальон... увы, нет...

– Отдельное конструкторское бюро.

– Всего-навсего отдельное? Назвались бы Особым конструкторским бюро, и то лучше звучит: «Кем работаешь?» – «Особистом!». У всех приступ немоты, глубочайшего почтения, допвопросы отпадают.

– А ты где и кем?

– Еще не допер, милоч? Тугодум, однако, Николай. Я же следствие при тебе провела по всем правилам... В милиции трудимся, деточка, в милиции. Физмат педовский окончила, в методах дедукции-индукции знаешь как шпарю? У меня подружка в прошлом году то же самое высшее образование получила и распределилась в милицию работать при детской комнате, с подростками. Вот я нынче по ее стопам нацели-

лась жизнь свою построить в этом праведном направлении.

– Нравится ей?

– Ой, не говори, еще как, за уши не оттянешь от детской комнаты милиции, пока на носилках доктора не вынесут. Она даже аттестовалась, на курсы полугодовые съездила, погоны надела с двумя звездами, жалованье ей офицерское платят, довольствие идет, паек получает, форма казенная: летняя, зимняя, парадная, суточные или что там у них еще? Короче, не жизнь – сплошной сахар-рафинад мелкими кубиками. Представь, целую новую двухкомнатную квартиру под детскую комнату выделили. Функция у нее по специальности, самая что ни на есть педагогическая – перевоспитывать подростков. Зарезал кого подросток до восемнадцати лет, или напал – ограбил, или просто изнасиловал – убил, или не смог пока убить, недодушил маленько, силенок у бедного подростка не хватило, их же в тюрьму нынче не сажают, сначала перевоспитывают на месте, в детскую комнату приводят малолеток. Вот она с ними там и беседует в определенные часы, уму разуму учит.

И как на грех, в первый же день работы забрел к ней в комнату пьяный бродяга, попить попросил, ну она и дала ему, дура, графин со стаканом. Он напился, графин разбил о подоконник и давай за ней по кабинету гоняться с горлышком наперевес, орать: «Порежу суку ментовскую!».

Хорошо, сумела выскочить на улицу, и как раз милицкий газик подошел с ворами-малолетками для перевоспи-

тания. Ой, как она тем малолеткам обрадовалась! Ладно, повязали милиционеры идиота, увезли. А подружка стала с тех пор, как придет на рабочее место, сразу на ключ закрываться. Сидит в своей детской комнате мышкой тихо-тихо, никому постороннему не открывает. Потом на курсы съездила офицерские, снова осмелела, психологически ее там подковали никого не бояться, приехала девушка, форму надела с новыми погонами, перестала закрываться. Недавно на пенсию вышла.

– На пенсию? Ты же сказала, что в прошлом году только институт окончила.

– Она по инвалидности, производственная травма случилась на месте службы. Прямо в той же самой детской комнате для несовершеннолетних. Перевоспитывала одного несовершеннолетнего, разнервничалась настолько, что промахнулась – села мимо стула. Да неудачно, копчик себе сломала.

– Да...

– Что да? Рано еще дакать, слушай, что дальше было. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Лежит девушка-лейтенант на полу в своей детской комнате со сломанным копчиком, а в этот момент заходит старший уполномоченный капитан Овечкин по кличке Майор Вихрь. Который везде двери сапогом отворяет – и когда в подвал врывается с облавой на малолетнюю шпану, и когда в квартиры алкашей-самогонщиков... Даже кабинет начальства тем же образом вскрывает. И тут, конечно, как звезданёт сапожищем,

и той дверью прямо ей по голове пришлось. Вот теперь да, все, то есть. Копчик сломан, голова пробита. Инвалидность сразу дали без разговоров, ручкой помахали вослед: идите девушка, идите, отдыхайте...

Замуж пенсионеркой уже вышла. Поняли, молодой человек, в какой серьезной структуре трудимся?

– А зачем тебе, в таком случае, по ее следам топать? На пенсию хочешь сразу из детской комнаты угодить?

– Нет, я служащей программисткой буду в управлении сидеть. Мне звездочек с погонами сто лет не надо. Я здесь месяцок прокантуюсь, корочки московского центра получу и начну спокойненько программистом ведомости на принтере распечатывать, сводки и отчетности ляпать на языке пизель. Понял, дорогой?

– Все равно осторожнее себя води. Мимо стула не садись, не ровен час Майор Вихрь в гости пожалует.

– Не нужен нам нынче Вихрь. Без интереса мы к нему, на подружке женился, значит, вину искупил полностью. А ты заходи как-нибудь в гости, напою чаем с сушками да вареньем смородиновым. Любишь, небось, чай с вареньем? Ну вот, с этой горячей любви, пошвыркивая да причмокивая, и начнем совместную сладкую жизнь строить.

4. Можете не ждать, танцев не будет!

Должно быть, с высоты птичьего полета турбаза «Лесное озеро» смотрится последним оплотом цивилизации в бескрайнем таежном массиве, уходящем к самой тундре. А из окна автобуса выглядит вполне обыденно и советскому человеку привычно: высоченный глухой зеленый забор, большие ворота, над ними плакат «Добро пожаловать!». Среднее арифметическое между пионерским лагерем и психбольницей.

Заходишь в ворота, и сердце мгновенно наполняет радость: здесь есть асфальтовые дорожки! Кроме них бесконечно греют душу кирпичная, оштукатуренная и беленая синей известью столовая, хозкорпус, ровные ряды коттеджей, пляж на озере с белым песком и двумя скамейками, а не радуют комары, комары, комары. Несметные тучи комаров набросились на приезжих. И они особенные, эти местные зомби. Обычный комар расстается с жизнью легко, беззвучно: шлеп – и мокрое кровавое место от него осталось. Местные гибнут с отвратительным хрустом. Они здоровенные, рыжие, костлявые. У них прекрасно развит плечевой пояс, крепкая горбатая спина, мощные ноги. Кожу дырявят длинными тол-

стенными иглами, протыкая грубо, как пьяный ветеринар старую клячу. Пока Николя бежал в обнимку с двумя матрацами (своим и Сониным) от склада постельных принадлежностей до коттеджа, комары изрешетили шею и руки, а ответить им ничем существенным он не мог.

Через территорию турбазы стрелой проходила главная асфальтовая аллея – широкий проспект с неоновыми фонарями и голубыми елями, от нее ветвились дорожки-улицы, вдоль которых располагались новенькие щитовые коттеджи. За их коттеджем номер восемь стояли номер девять и десять, далее улица круто ныряла вниз, в сырую зеленую ложину, несмотря на разгар дня до краев наполненную густым сизым туманом. Из тумана торчал край длинного общественного умывальника: труба с многочисленными сосками и водонапорная бочка над ней.

Новоприбывшую группу поселили в соседних комнатах коттеджа, соединенных узким тамбуром, в котором хранились ведра, швабры и тряпки. Девчонки втроем заняли свободную шестикоечную комнату, Коля попал четвертым в мужскую компанию того же шестиместного размера. Один человек жил в ней давно, с весны, звали его Герасимычем. Лет приблизительно сорока пяти, с красно-примороженным лицом, приехал из Якутии. Он с удовольствием изучал в таежном центре технологию автоматизации алмазной промышленности. За кроватью Герасимыча в углу стояли несколько удочек, а сама кровать, сапоги и весь он сам про-

пахли свежей озерной рыбой.

Пышнокудрый, явно лысеющий замначальника кубанского ВЦ мелиорации Красилов располагался на соседней койке, рыбой не пах несмотря на то, что по работе был связан с водой. Он приехал изучать язык высокого уровня пиэля. его кубанское ВЦ занималось планированием подачи воды на рисовые чеки. Красилов сидел с бумагой, на которой чертил клетки, глубоко задумавшись над оптимизацией полива, и при этом осторожно перебирал длинные каштановые пряди на голове и шурил симпатичные, слишком серьезные глаза.

Еще одним соседом-пиэлистом оказался хромоватый Володя Гофман из Казахстана, прибывший на одном автобусе с Николя. Володя очень долго, аккуратно и даже нудно заправлял свою кровать. Сделать это ему было непросто с тростью-костылем, однако он старался и в конце концов достиг геометрического совершенства. После чего присел на стул и, не выпуская ни на минуту палки из рук, рассказал, что его отправили на курсы с условием отработать впоследствии на пиэле три года. Гофман был доволен, что смог пробиться на московские курсы из Казахстана. Он принялся дотошно выспрашивать старожилу Герасимыча, как ему живется-поживается на турбазе.

– Рыбалка здесь на зависть, – поделился радостью Герасимыч, и его лицо, обожженное якутским медным загаром, расцвело. – Места есть замечательные. Завтра сходим

на утреннюю зорьку, порыбачим, сами увидите.

– У нас с восьми занятия, – отказался сидевший на стуле и поигрывавший красивой тросточкой Володя.

– До восьми успеем ведро карасиков надергать, – продолжил улыбаться Герасимыч своим приятным озерным воспоминаниям. – Фирма гарантирует.

Вдруг в тамбуре раздался шум, кто-то сильно пнул пустое ведро в темноте. В грохоте раздалось негромкое: «Ой, мамочки, да что же это?». После чего застучали.

В комнату ворвалась Надин и, тараща круглые глазенки, закричала:

– Есть здесь врач? Соне плохо!

– Врач есть, – вспомнил Красилов. – Я узнавал, у него медпункт по расписанию работает в хозкорпусе, а сам он живет в первом коттедже. Давайте схожу, приведу, раз такое дело.

Остальные ринулись на женскую половину смотреть умирающую Соню. Даже Гофман в качестве замыкающего долго боролся костылем с пустым громыхающим ведром в узком проходе, пока не пробился к свету.

– А что с ней? – спросил Николя, увидев Соню, вполне самостоятельно сидевшую на кровати и недовольно зыркавшую исподлобья на толпу, окружившую ее со всех сторон.

– Пухнет на глазах. Смотрите, какой лбище вымахал.

– Лоб как лоб, – рассудительно произнес Герасимыч, наклоняясь и рассматривая голову потерпевшей с близости. – Зря, девушки, паникуете. Немного комары покусали, подумаешь,

к завтрашнему дню все пройдет, даже и не вспомните. Надо просто мазаться погуще от них мазью, я каждый день полтюбика извожу, а иначе нельзя – съедят на рыбалке заживо. – Он отмахнулся от кого-то. – Видали, какие кастрюшки летают? Сплошная хроника бомбардировщиков.

Лоб у Сони действительно оплыл подушкой, нависнув над глазами. Взгляд был затравленный и отчужденный.

– А это тоже пройдет? – пискнула она, протянув две руки вперед.

Одна – как тоненькая синяя спичка, а другая от запястья до локтя раздулась лиловым шаром. Присутствующие открыли рты.

– Да, тут надо врача, – вздохнул Герасимыч, вежливо отворачиваясь. – Сейчас принесу крем.

– Ваш крем от комаров так противно пахнет, и липко от него до невозможности.

– Ничего, зато будем клеить мужиков, – хихикнула Надин. – Несите мне, я помажусь. Николя, где ты там, подходи, клеиться будешь.

Врачом оказался спортивного вида седоватый мужчина в тренировочном синем костюме и кедах. На шее болтался стетоскоп. Он быстро осмотрел руки и лоб.

– Вероятнее всего, аллергия. Что кушали сегодня?

– Ничего! – с отчаянием вскричала Соня.

– Мы на завтрак опоздали, – пояснил Коля.

– Тогда, возможно, пыльца цветущих трав нанюхались, –

выдвинул очередную гипотезу врач, весело блеснув золотыми зубами в сторону Мары. – Июль – самое время.

– Комар костистый меня укусил! – взорвалась Соня. – Сейчас же уезжаю, ноги моей здесь не будет. Коля, несите, пожалуйста, постель обратно, сдайте завхозу!

– Аллергия на комаров? Что-то не слышал такого прежде. Вот что, товарищи, надо ехать в городскую больницу, там возьмут необходимые анализы и определят причину аномалии.

Но Сонечка не желала более подвергать себя укусам местных колючих тварей. Путешествие подкосило ее окончательно, и она уехала обратно в город с вещами на турбазовском автобусе.

– Так, одним негритенком меньше, – сказала Надин, осмотрев прочих, словно проверяя: кто следующий?

– А пойдемте на озеро сходим до обеда, – предложила Маря.

– Давайте. Только учтите, я не донор, оденусь поплотнее, чтобы избежать участи бедной Сони. Коля, давай ты будешь другом моего трудного детства? – Надин потупилась, надула щечки.

– Как это?

– Если вдруг меня укусит неизвестного вида насекомое и я тоже распухну и умру на твоих коленях, то ты, как друг трудного детства, оросишь меня горькими слезами.

– Почему на коленях? У тебя же койка есть.

– Умиравших юных девушек принято носить на руках, хоть раз-то в жизни! Кино не смотрел разве? Да не бойся, пронесешь несколько метров по берегу озера, большого, как море, потом опустишь, но не на землю, а на свои колени, и будешь сдержанно орошать скупыми слезами. Крупным планом. Давно мечтаю так умереть.

– Так ты героиня? Предупреждать надо. Нет, на коленях неудобно держать, лучше на койку отнесу.

– О, самое то место, самое наше. Заметано.

Провожатым по местным окрестностям наладился Герасимыч, приятно благоухающий неизвестным спиртным напитком, не водкой, не коньяком, не самогоном, но тоже крепким. Следом шли Красилов и Володя со своей японской тросточкой. Герасимыч показал озеро с песчаным пляжем и небольшой пристанью для весельных лодок. Ближнюю сторону озера окружал сосновый бор с примесью елей.

– Здорово нам будет здесь отдыхать! – воскликнула Надин. – Если погоды дождемся.

– А то, – энергично поддержал Герасимыч. – Рыбалка у нас, девушки, высший класс. Я утром беру лодку и заплываю во-он к тем кустам. Видите на горизонте? Там карась берет с пяти до шести, но никому, ясно? Это государственная тайна. Разглашаю исключительно для своих. А самое удивительное во всей местной истории другое обстоятельство: вода на середине озера – всегда теплая, хотя по краям вполне обыкновенная. Говорят, со дна геотермальные источники

бьют. Ах, как хорошо плавать на середине ночью, под луной!

– Вы что, плаваете ночью? – не поверила Надин. – И с кем же, интересно знать?

– Один на лодке рыбачу, но видел ближе к кустам на другой стороне таких русалок, пуда на три-четыре каждая!

– Таймени, что ли? – проявил неподдельный интерес Красилов.

– Какое! Блестящие хвостаые девицы. Удочку к ним поближе забрасывал с бутербродом – не клюют, требуют бутылку отдать. Но ром на их брата переводить жалко, ей-богу! О, гляньте, баб... то есть женщин сколько привалило, как из рога изобилия!

От хозблока к коттеджам проследовало сразу около двадцати девушек с матрацами в обнимку.

– Соседки, – отмахнулся Красилов, мысленно анализирующий идею развести на подведомственных рисовых чеках тайменей. – Туристки, наверное.

– Какие туристки, ваши это, не видишь, что ли?

– Не вижу, да и как здесь отличить туристку от курсистки?

– Облысел уже, а вопросы задаешь детские, глаза-то разуй: туристка с рюкзаком ходит да туристом на пару, а курсистка с матрацем.

– А есть очень даже ничего.

– Уже высмотрел? Быстро! Тогда извини, беру свои слова обратно.

В столовой Коля сел за стол к Наде с Марой. Еще одно место у них осталось свободным, но Гофман с Красиловым расположились за ближним соседним, Герасимыч столовую вовсе не посещал.

– Смотрите, а здесь как в приличном месте, – поразилась Мара. – И супница фарфоровая! Надя, разливай первое, обслужи в первую очередь голодного мужчину.

Надин взяла поварешку.

– Главное – кушай хорошо. В мужчине, что главное? А? Не знаешь? Аппетит!

– В мужчине главное – чтобы любил, – поправила Мара. – Свою жену и детей.

– Так у него жены пока нет. Вот будет жена, да пусть любит на здоровье, разве кто против? Любить всегда, любить везде, до дней последних донца! Ты кушай, Коля, кушай и нас с Марой слушай. Мы тебя плохому не научим, мы девушки серьезные, ответственные. Хочешь, танцевать обучу стильно? Будешь на танцах любых девиц запросто кадрить, без проблем. Значит так, сегодня после ужина идем на танцы, прямо в этом же корпусе, далеко топать не придется.

– Нет, Герасимыч на рыбалку звал, на вечернюю зорьку.

– До вечерней зорьки знаешь сколько воды утечет? Все ноги оттоптать успеешь! Ну, рассуди, разве могут приличные девушки, такие как мы, красивые и во всех отношениях приятные, посещать танцы без кавалеров? Будешь прикрытием, не навсегда, а временным. Пока не обзаведемся други-

ми прикрытиями.

Мара пленительно улыбнулась.

– Правда, Коля, сходи с нами.

– Да, не бросай на растерзание местным шакалам-пенсионерам. Вон глянь, какие песочницы сидят за столиками, ужас просто! Я, наивная, ехала – думала, здесь турбаза настоящая, туристы-альпинисты стадами бродят, а тут опять богадельня имени старых большевичек вырисовывается! Николая, ты цивилизованный человек?

Коля согласился пару часов побыть цивилизованным, и после ужина они втроем двинулись в танцзал, располагавшийся на первом этаже столовой. Там скромненько прогуливалось несколько девушек, не побоявшихся прийти без кавалеров. В углу высились две монументальные колонки с полированными боками, однако музыка не играла. В полной тишине даже Надин перестала трещать: достаточно производимого ими паркетного треска посреди такой большой залы. Все делали вид, что оказались в этой части корпуса совершенно случайно, по какому-то невероятному совпадению. Фланировали туда-сюда минут десять, пока пробежавшая мимо кухонная работница в белом фартуке и колпаке не объявила с душевным торжеством:

– Можете не ждать, танцев не будет!

– Почему? – поразилась Мара.

– По расписанию.

– А когда будут?

– Музработник в отпусках!

– Вот те на! В приличных местах танцы бывают по расписанию, а здесь наоборот! Пойдем тогда, Коля, гулять. До вечерней зорьки ты же свободен?

5. Классная женщина, мечта поэта

На улицах турбазы, почти у каждого коттеджа, горели небольшие костерки-дымари, при которых кучковался местный народ, махавший руками. Дым немного спасал от комаров. Возле их коттеджа со стороны чужого входа также чадило несколько веточек. На скамеечках собралось общество новеньких соседок. Рядом с костром они поставили кассетник, из которого грустным голосом певица пела о том, как она любила в последний раз. Здесь же несколько особняком пригрелись и Гофман с Герасимычем. Коля подошел к ним.

Слишком много собралось воедино девушек, чтобы на смелиться познакомиться с конкретной на глазах у всех прочих, даже кивнуть неудобно, тем самым как бы игнорируя остальных. Не говоря о том, чтобы начать подмигивать. Очень серьезно девушки наблюдали за струйкой дыма слившимся воедино взором, сопереживая певице. Друг с другом они тоже практически не были знакомы, поэтому возникшая пауза затянулась на вечер.

Не простые собрались девчушки-балаболки, а серьезные, с высшим математическим образованием, чертовски умные. Приехали в комариный рай познавать программирование на новомодном языке пизль. Иные сразу после университета, другие отработали уже не по одному году учительницами, хлебнули лиха полной ложкой, прежде чем поймали удачу

за уши и попали в тайгу болотную, проходить переподготовку в образовательном центре на программистов. Нет, здесь подход требовался особенный, к каждой конкретной персоне свой собственный, индивидуальный, желательно тихий, задушевный. И не под взорами всех остальных. Это чувствовали немногочисленные представители мужского пола, приблудившиеся отдельной группкой, – и Красилов, и Никола, и Гофман и даже Герасимыч, ужасно покрасневшийся круглым довольным лицом на манер затертого пятака. Так хотелось ему что-нибудь рыболовное по случаю ляпнуть, пословцу ввернуть громогласную на весь коллектив, а удержался. Единственным не понявшим серьезности и ответственности момента был парубок-курсист Пасюк, проходивший мимо. Встретив обилие женского пола, обрадовался, выкрикнул: «Вот и вся моя семья, восемь девок – один я!», – и пошел далее.

Стоят-сидят курсистки молчаливые, задумчивые, смотрят на костер, даже друг с другом не разговаривают, слушают печальную историю про то, как «я любила в последний раз, последний раз», что про себя при этом думают – неизвестно. Расположились в три ряда, первая скамеечка низкая, за ней – выше, специально так придумано, будто собрались вместе для фотографирования, а фотограф где-то потерялся, а они ждут его, ждут... Запечатлеть красоту некому.

Глядя на эту картину, Коля почему-то вспомнил турок. В том смысле, что какой-нибудь султан турецкий и его при-

ближенный визирь, если бы, не дай бог, занесла их нелегкая в Сибирь, край поселений и великих строек, ничего не смогли бы понять, что здесь происходит даже через переводчика из МГИМО. Откуда посередь тайги, среди ужасных болот-топей взялись в одном месте у костерка сразу двадцать молодых девушек в три ряда, и никакой мужчина лично головой за них не отвечает? Ни евнуха старшего нет, ни даже младшего поблизости, ни брата верного, правителя, на худой конец, в данной провинции власть держащего. И никому не надо за ними ухаживать дополнительно, содержать. Махальщик с опахалом и тот отсутствует, не распугивает комаров, сбежал, собака неверная, – сами девушки энергично машут руками, хлещут себя по лбам, затылкам или животам или другому какому месту от души, без малейшего стеснения.

Да, вот именно, эти девушки сами себя содержат, находясь в трудных бытовых условиях, без ванн и купален, благовонных розовых масел без, посреди леса дремучего, полного гнуса ужасного, даже несколько ближе к болотистой лесотундре приполярной и вечной мерзлоте, с лежащими в ней нетленно мамонтами, до коих шибко охочи японские ученые. А турецкие ученые что-то не шибко понаехали, а раз не едут, где уж тут эмира с султаном ждать, когда ученые турецкой академии наук любопытства к артефактам не проявляют? И хорошо, что не приехали, зато Николя со своими девицами переночевал в номерах, для них забронированных,

под видом особо секретного агента КГБ со своими личной агентурой, а не оказался с ней же и вальяжными грузинскими паханами – предпринимателями в ресторане. Что бог ни делает – все к лучшему. Это и к султану относится турецкому, и к его многочисленному семейству, включая наложниц. Ой, куда это его опять унесло с бестолковыми рассуждениями?

Обилие симпатичных курсисток, молчащих у костра в ожидании невесты чего, поразило воображение не только сверх меры задумавшегося о судьбе турецкой науки Николая Петровича, но и всех прочих представителей мужского пола, не давая им уйти прочь. Здесь были девушки на любой вкус: брюнетки и блондинки, стройные модели и полненькие румяные булочки. Красилов растерянно-мятежно косил в их сторону, примеряясь. Стал вдруг ходить вокруг костра кругами, бормоча себе под нос непонятное, подкинул несколько сухих веточек в огонь. Те затрещали, а подойти духа не хватило. Исчез навык за десять лет брака. По лицу его стало видно, что вспомнил он вдруг, что на самом деле является не только замначальника ВЦ краевой мелиорации, но и, в принципе, отнюдь еще не старым тридцатидвухлетним человеком с выющейся шевелюрой, да, женатым, есть грех, но одновременно, оказывается, ужасно соскучившимся по разговору с молодой задорной девушкой. Каковых здесь в избытке – да все практически молодые, но веселья особенного не проявляют, комары достали. Красилов смутил-

ся окончательно и вернулся на постой ближе к Герасимычу. Еще бы. Давно и основательно женат человек. На службе отличным считается семьянином, о чем в характеристиках ему каждый раз непременно писали «отличный семьянин», потому что романов служебных ни с кем не крутил. Отработает положенное время, часто и сверх положенного часик-другой прихватит, – и домой! К жене, детям, квартире, автомобилю, даче, диссертации. А тут вдруг ни с того ни с сего у плюгавенького дымаля продрал его жуткий мороз, волнение началось необъяснимое, будто снова как в пятнадцать лет впервые пришел на танцы и корчил там из себя взрослого парня, врал партнерше, что ему семнадцать. Танцы те не понравились, но запомнились надолго, и вот снова то же самое дурацкое настроение. Только не надбавить пару лет хочется, а скинуть десяток, кольцо с пальца тихо в кармане скрутить и про семью на вечер забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.